

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Р.Н. АБРАМОВ***Социокультурные аспекты
постсоветской ностальгии
в странах бывшей Югославии****(Размышления над работами****М. Великоньи и Т. Петрович)***

Статья посвящена анализу ностальгии по социалистическому периоду развития в странах бывшей Югославии в работах современных социологов. Особое внимание уделяется теоретическим импликациям данного социокультурного феномена.

Ключевые слова: постсоветская ностальгия, постсоциалистическая ностальгия югоносталягия, коллективная память, антропология памяти.

The article analyzes nostalgia on socialist period in the countries of former Yugoslavia in modern sociological investigations. A special attention is given to theoretical implication of this socio-cultural phenomenon.

Keywords: post-Soviet nostalgia, post-socialist nostalgia, yugonostalgia, collective memory, anthropology of memory.

Данные опросов общественного мнения показывают: советское прошлое не только не завершилось, но переживает ренессанс, связанный с ростом тематического медиаконтента и общего благосклонного интереса к этому времени. Согласно данным ВЦИОМ, слово “советский” заставляет россиян испытывать в первую очередь чувство ностальгии (31%). Что касается слова “антисоветский”, то оно, главным образом, вызывает у респондентов осуждение (23%) и безразличие (22%). Слово “советский” у опрошенных значительно чаще, чем его антоним, вызывает чувства гордости (18% против 1%) и одобрения (17% против 2%). У людей пожилого возраста со словом “советский” связаны ностальгия (41%), одобрение (23%) и гордость (22%), а с “антисоветский” – осуждение (32%) и ненависть (19%). Вдобавок слово “советский” ассоциируется у россиян преимущественно с хорошими и светлыми воспоминаниями (14%), а также с порядком и уверенностью в завтрашнем дне (11%) [“Советский”... 2010]. Более того, во взглядах на недавнее прошлое возникла почти мода, которой не избежали и представители молодого поколения, родившиеся на самом закате совет-

* Статья подготовлена при спонсорской поддержке Центральноевропейского университета.

Абрамов Роман Николаевич – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

ской истории. Достаточно вспомнить в этой связи телецикл “Старые песни о главном”; появление телеканала “Ностальгия”, специализирующегося на демонстрации программ и телефильмов советского времени; выход иллюстрированного многотомника “Намедни. Наша эра” (книга-альбом известного журналиста Л. Парфенова).

Сложилось представление, что ностальгия по советским временам распространена исключительно на пространстве бывшего СССР, особенно в России; что подобный феномен – отражение архаичного массового сознания российского общества, его реакция на шоковые политические и экономические изменения 1990-х гг. При этом считается, что в государствах бывшего советского блока, включавшего в себя большую часть Центральной и Восточной Европы, такой ностальгией не страдают. Предполагается, что жители этих стран почти не сожалеют о недавнем прошлом – ведь “реальный социализм”, как представляется, во многом был им привнесен извне, кроме того, они испытали на себе репрессии местных коммунистических диктаторов, а некоторые и военное вмешательство со стороны СССР (см. [Горалик, 2007; Берелович, 2003; Бойм, 1999; Юрчак, 2007; Кустарев, 2007]). Пожалуй, только благодаря фильму “Гуд бай, Ленин!” в России стал известен феномен “остальгии” – тяги жителей бывшей ГДР к временам Э. Хонеккера¹.

В принципе, исследование и теоретизирование о ностальгии – неординарная задача, требующая знакомства с источниками междисциплинарного характера – от философии и психологии памяти до постмодернистской культурологии и социальной антропологии. Более того, довольно сложно найти релевантное социологическое определение рассматриваемого понятия. Так, Ф. Девис, автор фундаментальной социологической работы по теме ностальгии, определял ее как “приятный сорт печали – горько-сладкой” или “неясное счастье с печалью” [Davis, 1979, p. 14, 29]. Сходным образом определял ностальгию Р. Кардинал, для которого она – символ “горько-сладкого желания управлять пространством и временем” [Cardinal, 1994, p. 68–96]. К. Лэш считал, что “ностальгические репрезентации прошлого пробуждают безвозвратно потерянное время, что является причиной вечности и неизменности” [Lash, 1991]. Для М. Чейза сущностная черта указанного феномена массового сознания заключается в том, что “ностальгия по прошлому не имеет ностальгического: прошлое свободно от эксплуатации, конфликта и нестабильности” [Chase, Shaw, 1989, p. 133]. С. Стюарт полагает, что “ностальгия, как форма нарратива, всегда идеологична, а прошлое стремится не существовать исключительно как нарратив” [Stewart, 1993, p. 23]. Но как бы то ни было, абстрагируясь от теоретических нюансов, можно констатировать: эмпирические исследования посткоммунистической ностальгии говорят о том, что в той или иной форме такие настроения присутствуют в большинстве восточноевропейских государств, в той или иной степени оказывая влияние на социальную, политическую, культурную жизнь этих стран [Velikonja, 2009; Bancroft, 2009].

В этом аспекте заслуживают внимания работы социологов стран бывшей Югославии, которые не просто исследуют место социалистического прошлого в коллективной памяти жителей территории бывшей СФРЮ. Они способствуют лучшему пониманию причин возникновения, а главное – устойчивости подобных настроений в социумах переходного типа. Это прежде всего – работа словенского социолога и культуролога М. Великоньи “Титостальгия – исследование ностальгии по И. Броз Тито” [Velikonja, 2008]. Имея вид покетбука, эта книга неплохо смотрится на столике богемной кофейни где-нибудь в центре Европы, на просторах бывшей Австро-Венгерской Империи или стран социалистического блока. Книга издана в формате *bilingua* – с одной стороны, вы читаете англоязычный вариант, а с другой – содержание на словенском, родном языке автора. Работа посвящена одной из форм постсоциалистической ностальгии в странах бывшей Югославии – отражению в личных нарративах и объектах массовой культуры положительного образа многолетнего коммунистического лидера СФРЮ.

¹ О феномене “остальгия” см. [Berdahl, 1999; Berghahn, 2005; Betts, 2003; Martin, 2006; Cook, 2007].

Словенский культуролог называет ностальгию по Тито, получившую распространение в странах бывшей Югославии, *титостальгией*. Последняя выступает отражением более широкого феномена – *югостальгии*, то есть ностальгии по последним десятилетиям жизни в СФРЮ. Несмотря на существенные различия ее проявлений в разных регионах, все они связаны с приятными воспоминаниями о “югославских вещах”, бывших общими для всех жителей федерации. Ностальгические “вещицы” включают югославскую поп-культуру (от далматинских песенок до рок-н-ролла и панка), фильмы, телесериалы, развлекательные программы, спортивные победы, неформальные (дружеские и любовные) отношения и формальные мероприятия (совместную бригадную работу, службу в армии, визиты в подшефные школы и села, пикники), путешествия, различные аспекты повседневной жизни, промышленные товары и продукты питания. В этом контексте Великонья указывает на особенность “тотального” характера ностальгии по позднему советскому времени в Югославии: и в Хорватии, и в Сербии, и в других странах бывшей СФРЮ можно найти и купить вино марки “Тито”, почтовые карточки с изображением жены диктатора, тогда как другие исторические и политические деятели, много сделавшие в XX в. для этих стран, либо слабо представлены, либо вовсе отсутствуют [Velikonja, 2008, p. 11–23].

Несмотря на общий дескриптивный, почти этнографический характер исследования, автор не избегает сложных рассуждений, касающихся теоретической и аналитической реконцептуализации ностальгии в современных социальных науках. Для него она не только интимная, романтическая память, невинные самосбывающиеся сказки, но также и мощная социальная, культурная и политическая сила, производящая практические эффекты в их окружении. Ностальгия может быть частью национального проекта (как в случае воображаемых сообществ Б. Андерсона или изобретении традиции Э. Хобсбаума), неоконсервативной революции (рейгановское правление ранних 1980-х гг.)², имперского призыва (как, например, это происходило в России в 1990-х гг., где ультраправые нередко смыкались с ультралевыми). Менее зловещим образом ностальгия может фигурировать в рекламе, поп-культуре и пр.

Как полагает Великонья, “ностальгия – эфемерное и изменчивое социальное понятие, различающееся во времени и пространстве, по-разному существующее в разных социальных группах и поколениях. Она принимает различные формы – от простого развлечения до фанатических обязательств – и может проявляться в разных сегментах социальной жизни: массовой и потребительской культуре, искусстве, рекламе, сообщениях СМИ, программах политических партий, религиозной риторики, различных субкультур и повседневной жизни”. Немаловажен и утопический характер ностальгии³. В ней, как в утопии, ищут счастья, свободу, отсутствие отчуждения, Золотую эру и страну с молочными реками и кисельными берегами [Velikonja, 2008, p. 29, 122].

Обращает на себя внимание, что феномен “титостальгии” часто противостоит новым национальным идеологиям постъюгославских государств, конструирующих свою политическую и историческую идентичность на противостоянии памяти об СФРЮ. Титостальгия находится в оппозиции официальным дискурсам – “Тито виртуально исключен из доминирующих дискурсов, или даже хуже, он систематически поносится и осуждается, хотя люди в постъюгославских странах нередко отзываются о нем уважительно” [Velikonja, 2008, p. 43]. В этой связи важно разделить понятия *культура ностальгии* и *ностальгическая культура*. Первая – это материальные и карнавализованные медиаартефакты, отсылающие нас к прошлому, часто уже прошедшие маркетинговую переделку под “прежние времена”: это могут быть футболки, сувениры, значки, брелоки, названия и антураж кафе и клубов, самодельные музеи и

² Имеется в виду возвращение к американским патриархальным ценностям: усилению государства и армии, индивидуальной инициативы, патристической гордости, религиозной традиции и решительной внешней политики (см. [Lash, 1991, p. 99]).

³ Здесь уместно вспомнить тезис Стюарта: “Ностальгия имеет отчетливо утопическое лицо, которое обращено к будущему-прошлому, прошлому, которое было только в идеологической реальности” [Stewart, 1993, p. 23].

все то, что формирует материальный мир ностальгии. Вторая – образы, мнения, выражаемые людьми относительно объекта ностальгии (как, например, применительно к основателю СФРЮ в случае титостальгии). Эти мнения отражаются в результатах опросов, а также посредством повседневной активности, уличной культуры и домашнего творчества, и не являются исключительно результатом усилий маркетологов по продвижению ретробрендов, но служат отражением коллективного сознания. И в этом отношении ностальгическая культура лишь отчасти может быть объектом коммерциализации, поскольку ее корни значительно глубже, нежели видимый слой ностальгических безделушек [Velikonja, 2008, p. 65].

Путешествуя по территории бывшей Югославии и собирая материалы для книги, автор выявил региональные версии титостальгии, соответствующие историческим и политическим особенностям новых Балканских стран. Например, в Словении наличествует значительное число граффити, отсылающих к Тито, тогда как в других бывших югославских республиках эта практика не так распространена. Маршал все еще популярен в Македонии, в некоторых частях Боснии и Герцеговины и Черногории, но не среди сербской и хорватской частей населения упомянутых государств. Конечно, в силу исторических и политических причин в Косове пантеон героев совсем другой, однако несмотря на отсутствие титостальгии среди косовских албанцев на публичном уровне, на индивидуальном уровне можно обнаружить приятные воспоминания об этом персонаже⁴. Естественно, публичное проявление такой приязни рискованно, поскольку существует устойчивая цепь ассоциаций “Броз Тито–Югославия–Сербия–сербская гегемония”, тем не менее, маршал, скорее, позитивная фигура среди людей среднего и старшего возраста и определенно – среди некоторых этнических меньшинств, таких как косовские турки, которые полагают, что он лучше защищал их право на самоопределение, образование, литературу и культуру от давления более крупных этнических диаспор [Velikonja, 2008, p. 39].

Представляя различные обобщающие разъяснения материализованной и нематериализованной титостальгии, Великонья приводит ряд аргументов “за” и “против” столь широкого ее распространения. Прежде всего ностальгическое “возвращение Тито – следствие катастрофических событий последних двух десятилетий, таких как война, массовые убийства, разрушения, нужда, экономический и социальный упадок, политические кризисы и т.д. На этом фоне Тито идеализируется как символ дружбы, солидарности, благополучия и защиты” [Velikonja, 2008, p. 95]. Между тем это не является сильным побудительным мотивом для некоторых территорий бывшей Югославии, например Словении, избежавшей трагедий других республик и достигшей значительного экономического и политического прогресса, несмотря на ряд серьезных проблем. Тут имеет место влияние других факторов в производстве ностальгического мышления.

Наиболее распространенным аргументом в пользу титостальгии служит “поколенческий фактор” – поклонение бывшему советскому лидеру. В действительности это тоска представителей старшего поколения по “добрым старым временам” их юности, энтузиазму и идеалам. Ведь они прожили лучшие годы своей жизни в Югославии, бывшей тогда на пике развития. Примерно так же в России объясняют неожиданную любовь к 1970-м гг., когда представители наиболее активного сегодня поколения были детьми или совсем молодыми людьми. Однако в странах бывшей Югославии, как и в России, поколенческий фактор не единственно возможное объяснение: титостальгия получила распространение и среди молодых людей, родившихся спустя долгие годы после правления Тито, и поколения, которое лишь смутно помнило то время. Впрочем, как замечает словенский социолог, возможен и эффект воспитания: родители передают свои личные воспоминания о социалистическом прошлом своим детям.

⁴ Некоторые исследователи полагают, что в современном Косове можно обнаружить скрытые, официально стигматизированные примеры югостальгии, которые не исчезли даже после кровавой войны 1990-х–начала 2000-х гг. [Schwander-Sievers, 2010].

Но данное объяснение игнорирует разрыв между ценностями и культурным фоном родителей и детей, возникший на фоне быстро изменяющихся обществ и появления новых СМИ [Velikonja, 2008, p. 95–97].

Имеет значение и фактор патриархальных традиций культур Балканских стран. В этом отношении образ Тито соответствует популярным архетипам: необразованного крестьянского парня, пролетария, простого солдата, пленного, политического заключенного, удачливого полевого командира, государственного деятеля, а также бонвивана, гедониста, любителя женщин и настоящего мачо. Диктатор имел многоликий образ, сочетавший в себе черты типичного балканского мужчины, типичного центральноевропейца, космополита. С одной стороны, Тито проявил себя как влиятельный политический лидер, равный лидерам крупнейших стран, принятый в компании голливудских звезд, ведущий жизнь аристократа с ее автомобилями, яхтами, виллами. С другой стороны, он имел образ *“своего парня”*, *“одного из нас”*, который с аппетитом ест, увлекается фотографией, играет в шахматы, плавает, болтает с простыми людьми, рабочими, детьми и солдатами. Не менее важно и столь популярное на постсоветском пространстве *“народное объяснение”* любви к старым коммунистическим лидерам: *“Тито воровал, но он также давал и народу жить, нынешние крадут, но ничего не дают”* [Velikonja, 2008, p. 98–99]. Не следует забывать и о простом коммерческом мотиве: Тито так долго был *“брендом”*, внедряемым в массовое сознание всеми пропагандистскими средствами, что до сих пор обладает высоким маркетинговым потенциалом. Поэтому неудивительно, что его именем называют марки вина, рестораны, а сам югославский лидер рекламирует роскошные автомобили и средиземноморские курорты. В книге можно найти иллюстрации с изображением рекламных артефактов.

Возвращаясь в последних частях книги к теоретическим аспектам рассмотрения ностальгии, Великонья обращается к ее роли как символического анестетика в условиях консюмеристского общества. В этом контексте ностальгия – один из конкурирующих гегемонистических дискурсов, которые заполняют пустоту, создаваемую отсутствием смыслов в обществах позднего капитализма (*“дефицит легитимации”* по терминологии Ю. Хабермаса). Современные общества имеют серьезные проблемы с самолегитимацией. Консюмеризм не знает утопии, только конкретное *“здесь и сейчас”*: переходные общества, такие как бывшие постсоциалистические государства, не знают настоящего, потому что живут в лимбе между потерянным прошлым и неопределенным будущим. Поэтому, как полагает словенский социолог, ностальгия может быть понята как ответ, как ловкий трюк, или дымовая завеса, изобретаемая доминирующими социальными силами перед лицом проблем легитимации. Это может быть *“дополнительным ресурсом в хранилище уловок и соблазнов капитализма”* [Jameson, 2005, p. 168]. Правящие элиты чувствуют себя спокойнее, когда люди с умилением вглядываются в прошлое и сублимируют гомеостатические чувства, не думая о завтрашнем дне, чем когда они критически переосмысливают настоящее и обращаются к поиску путей изменения будущего. Ностальгирующие не могут принять существующий мир и ищут убежище в идеализированном прошлом. Соответственно, ностальгия – это *“безопасный дискурс”* с его неотъемлемым ощущением того, что называется *belle époque* (потерянная юность, которая никогда не вернется). И Югославия, и Тито в таком теоретическом фокусе никогда не существовали – они лишь результат конструирования в пределах титостальгии и югоностальгии, утопическая симуляция, где СФРЮ – *“страна мечты”*, очищенная от всех слабостей и ошибок, род волшебной страны грез [Velikonja, 2008, p. 126–133].

Если ностальгия по Броз Тито – социокультурный феномен, чье распространение на территории бывшей Югославии вполне объяснимо, то подобные настроения в отношении армии этой исчезнувшей страны, исследуемые Т. Петрович в работе *“Ностальгия по Югославской народной армии (ЮНА). Вспоминая армию бывшей Югославии”* [Petrovic, 2010], можно считать явлением парадоксальным. Многочисленные кровавые Балканские войны 1990-х гг. должны были навсегда разрушить положительный образ армии СФРЮ. Между тем этого не произошло, и порой единственное, что объединяет

врагов по войнам 1990-х гг., как раз ностальгические воспоминания о службе в ЮНА в 1970–1980-х гг.

Петрович с 2005 г. начала собирать армейские истории солдат бывшей Народной армии. Эти истории обычно разворачиваются вокруг трех нарративных линий: мужской дружбы, “школы жизни” и рассказов о компенсационных практиках облегчения своего пребывания на службе и создания себе более комфортных условий существования. Наиболее широко распространенный нарратив об армии – сюжет о “школе”, которая делает мужчин зрелыми и ответственными, способными достойно встретить взрослую жизнь [Petrovic, 2010, p. 66].

Большинство мужчин старшего и среднего возраста, живущих в странах бывшей Югославии, имеют общий опыт службы в рядах ЮНА. При этом возникают странные ситуации. Так, популярные среди солдат югославской армии татуировки “JNA” теперь играют с их обладателями злую шутку. Например, македонец, проходивший службу в середине 1980-х гг. и имеющий такую татуировку, вынужден ее закрывать банданой на пляжах Хорватии, где эта армия ассоциируется с сербской агрессией в Хорватию в 1990-е гг. Армейские “байки” и общие воспоминания – это то, что объединяет бывших солдат ЮНА помимо татуировок. Такие истории – репрезентативный пример гендерно-ориентированной нарративной практики: это – “мужские истории” не только потому, что в них речь идет о мужчинах, но, что более важно, они служат функции формирования идентичности⁵. Одновременно сами рассказчики чувствуют некоторый дискомфорт, когда вспоминают югославскую армию, – ведь это заставляет их проблематизировать новые постъюгославские обстоятельства [Petrovic, 2010, p. 61].

ЮНА была институтом, который организовывался и идеологически формировался как центральный элемент и ключевой агент единения всех людей, живущих в единой тогда социалистической стране. Одним из инструментов реализации этого процесса стала практика отправки призывников на службу в места, максимально отдаленные от их местожительства, в другие республики и т.п. Что называется, “люди со всех частей Югославии встречались здесь”. В последние годы, когда плюралистическая идеология СФРЮ сменилась националистическими идеологиями отдельных стран бывшей федерации, ностальгия по Югославии в официальном контексте стала рассматриваться как утрата патриотизма [Petrovic, 2010, p. 62–63]. В академическом дискурсе подавление позитивных воспоминаний о Югославии получило название “коллективной амнезии” и “конфискации памяти”. И под давлением этих и других обстоятельств идентификация бывших солдат с ЮНА стала для них проблемой.

С распространением Интернета на постъюгославском пространстве возникли форумы с дискуссиями, обменом воспоминаниями и опытом службы в ЮНА. Основная часть содержания этих ресурсов – нарративные истории о службе. Важная характеристика их содержания – концентрация участниками внимания на деталях службы (жаргоне, практикам, поведению офицеров и т.д.) и в меньшей степени – склонность давать личные эмоциональные оценки. Членство в виртуальных сообществах бывших военнотружущих ЮНА раскрывается как доминирующий аспект идентичности людей – участников форумов, где их национальная идентичность не играет существенной роли, давая возможность сербам, хорватам и представителям других балканских народов обмениваться армейским опытом, несмотря на то, что многие из них воевали друг с другом [Petrovic, 2010, p. 67].

Парадокс армейской ностальгии состоит в том, что опыт пребывания в армии для большинства рядовых был травматическим: никто не хочет вернуться в это прошлое и все помнят, что это было тяжелое время с его неуставными отношениями и ожиданием дембеля. И в этом смысле ностальгическими эти воспоминания становятся только потому, что нет угрозы вернуться обратно [Petrovic, 2010, p. 64]. Другой аспект армейской ностальгии заключается в том, что служба в ЮНА воспринимается как “настоящая армейская служба” с большей жесткостью, большей продолжительностью и

⁵ См. книгу российского антрополога К. Банникова [Банников, 2002].

серьезностью, чем служба в армиях современных югославянских государств. Иногда, например, в Словении можно услышать вопрос: “*Вы служили в настоящей армии или в словенской?*”. Под “настоящей армией” подразумевается ЮНА. Схожие вопросы можно услышать даже в отношении хорватской армии, несмотря на то, что она обрела героическую ауру во время войны 1990-х гг.

Этот нарратив о ЮНА как о “настоящей армии” можно трактовать по-разному. Так, согласно М. Херцфельду, имеет место “структурная ностальгия”, когда происходит избирательное воспоминание прошлого как лучшего и оценки настоящих ценностей и качеств как не существующих в настоящее время [Herzfeld, 2004]. Оппозиция в восприятии ЮНА и новых национальных армий может также интерпретироваться в общем контексте изменяющейся маскулинности в современном мире: инициация мужественности через воспитание выносливости, причинение боли и страданий [Petrovic, 2010, p. 64–65].

Личная память бывших солдат ЮНА разделяется сотнями тысяч бывших югославов. В этом смысле индивидуальная память становится коллективной и не может игнорироваться или забываться нормативной общественной памятью, которая предлагает различные версии прошлого и различные образы югославских военных институтов. Военная служба в ЮНА была исключительно мужским опытом, и преимущественная функция армейских нарративов остается в сфере воспроизводства маскулинности, через выражение мужской солидарности и конкуренции. В этом отношении истории солдат югославской армии мало отличаются от историй солдат любой другой армии, которые рассказываются поколениями мужчин по всему миру. Тем не менее в контексте югославского постсоциализма, характеризующегося реставрацией и реизобретением национальных идентичностей, воспоминания о ЮНА стали проблематизированной культурной практикой, осознаваемой как выражение “опасных” и “декадентских” чувств югостальгии. Несмотря на подавление положительного отношения к общему прошлому в странах бывшей СФРЮ, воспоминания об армии и тематические нарративы оказались неожиданно устойчивыми к этим изменениям. Воспроизводство маскулинности через нарративы о ЮНА сосуществует с националистскими нарративами о боях в недавних войнах не только в обществах бывшей Югославии, но также в биографии отдельных людей, из которых эти общества состоят. Такие явления усиливают имеющуюся идеологическую нестабильность в Балканских странах [Petrovic, 2010, p. 76–77].

Все это говорит в пользу продуктивности изучения юго- и титоностальгии для российских исследователей советского прошлого, которые получают возможность увидеть, что ностальгия по позднему советскому времени – феномен, присущий отнюдь не только массовому сознанию жителей бывшего СССР, но распространенный и в других странах бывшего “социалистического лагеря”. Кроме того, сопоставление постъюгославских и постсоветских реалий позволяет увидеть и принципиальное различие в ситуации: в странах Южной Европы, не в пример России, посткоммунистическая ностальгия не стала важным фактором актуальной политики, уйдя в сферу массовой культуры, развлечений, устных семейных преданий и коммерческого китча. Никому не приходит в голову всерьез размышлять и планировать воскрешение СФРЮ, тогда как распад Советского Союза и падение коммунистической идеологии для многих жителей нашей страны по-прежнему остается незаживающей раной, а возвращение к советскому прошлому – все еще весьма популярный политический лозунг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002.

Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4.

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39.

Горалик Л. Росагроэкспорт сырка. Символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды. 2007. № 4.

Кустарев А. Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

“Советский” и “антисоветский”: что такое хорошо и что такое плохо? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1421. 1 февраля 2010 г. (<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13124>).

Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

Bancroft C. Yugonostalgia: the Pain of the Present // ISP Collection. Paper № 787. 2009 (http://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/787).

Berghahn D. Hollywood Behind the Wall: the Cinema of East Germany. Manchester, 2005.

Berdahl D. “(N)Ostalgie” for the Present: Memory, Longing, and East German Things // Ethnos: Journal of Anthropology. 1999. № 64.

Betts P. Remembrance of Things Past: Nostalgia in West and East Germany, 1980–2000 // Pain and Prosperity: Reconsidering Twentieth-century German History. Stanford, 2003.

Cardinal R. Collecting and Collage-making: the Case of Curt Schwitters // The Cultures of Collecting. Cambridge (Mass.), 1994.

Chase M., Shaw C. The Dimension of Nostalgia // The Imagined Past – History and Nostalgia. Manchester–New York, 1989.

Cook R.F. Good Bye, Lenin!: Free-market Nostalgia for Socialist Consumerism // A Journal of Germanic Studies. 2007. № 2.

Davis F. Yearning for Yesterday-sociology of Nostalgia. New York, 1979.

Herzfeld M. Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-state. New York, 2004.

Jameson F. Archaeologies of the Future – The Desire Called Utopia and Other Science Fiction. New York–London, 2005.

Lash C. The True and Only Heaven: Progress and its Critics. New York–London, 1991.

Martin B. Club Cola and Co.: Ostalgie, Material Culture and Identity. Transformations of the New Germany. New York, 2006.

Petrovic T. Nostalgia for the JNA? Remembering the Army in the Former Yugoslavia // Post-communist Nostalgia. New York, 2010.

Schwander-Sievers S. Invisible-Inaudible. Albanian Memories of Socialism after the War in Kosovo // Post-communist Nostalgia. New York, 2010.

Stewart S. On Longing – Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection. Durham–London, 1993.

Velikonja M. Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-socialist Countries // East European Politics and Societies. 2009. № 4.

Velikonja M. Titostalgia – a Study of Nostalgia for Josip Bros. Ljubljana, 2008.

© П. Абрамов, 2012